

О.П. Фадеева

СЕМЕЙНЫЕ ПОДВОРЬЯ В СИБИРСКИХ СЕЛАХ: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются процессы трансформации личных подсобных хозяйств сельского населения России за время, прошедшее с начала рыночных реформ. На основе критической интерпретации данных двух Всероссийских сельскохозяйственных переписей идентифицируются изменения в масштабах деятельности, в объемах производства и в специализации ЛПХ в разных регионах Сибири, произошедшие за период 2006–2016 гг. Для исследования отдельных локальных кейсов используются материалы глубинных интервью, полученных у руководителей и специалистов сельских администраций, а также у членов семейных хозяйств в Томской, Тюменской и Новосибирской областях.

Автор сопоставляет результаты количественного анализа статистических данных и выводы, следующие из качественного социологического исследования локальных кейсов, не только с позиций идентификации долгосрочных трендов, но и с точки зрения возможных искажений информации, имеющих институциональную природу. В качестве базовой гипотезы исследования принята посылка об отсутствии единой для всех регионов тенденции, характеризующей процессы трансформации ЛПХ, и о существенном влиянии аграрной политики государства и органов местного самоуправления и специфических локальных факторов. Выводы автора в целом подтверждают принятую гипотезу.

В течение четверти века с начала рыночных реформ сектор хозяйств сельского населения претерпел значительные изменения. С одной стороны, он заметно потерял в объемах и утратил прежнее лидирующее положение в структуре производства. С другой стороны, он стал многообразнее и представлен спектром от небольшого семейного огорода до

мини-фермы с привлечением наемных работников. Вместе с тем в определенных случаях государственная поддержка может привести к ухудшению экономического положения семейных хозяйств. Качественные выводы исследования могут быть полезны для обоснования мер, направленных на устойчивое развитие сельских территорий.

Ключевые слова: личные подсобные хозяйства; сельские территории; рыночные реформы; сельскохозяйственная перепись; Сибирь

Для цитирования: *Фадеева О.П.* Семейные подворья в сибирских селах: проблемы трансформации // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 4 (104). – С. 137–167. DOI: 10.15372/REG20190407.

ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНЫХ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В современной России существует особый вид экономической деятельности, который может приносить доходы, но в юридическом смысле предпринимательской деятельностью не является. Это личные подсобные хозяйства (ЛПХ) населения, для придания легитимности которым был принят специальный федеральный закон¹. Предтечей ЛПХ в 1935 г. стал «колхозный двор», понимаемый как совокупность приусадебного участка земли, хозяйственных построек и регламентированного состава домашних животных, находящихся в личном пользовании членов сельхозартели². Категория «личное подсобное хозяйство» долгое время служила эвфемизмом, замещающим идеологически неприемлемый термин «частное хозяйство», и отражала «рудимент» досоветской эпохи, значение которого со временем должно сойти на нет. На практике семейные подворья сельских жителей были важным элементом выживания в условиях, когда вместо денег колхозникам начислялись отработанные трудодни, пропорцио-

---

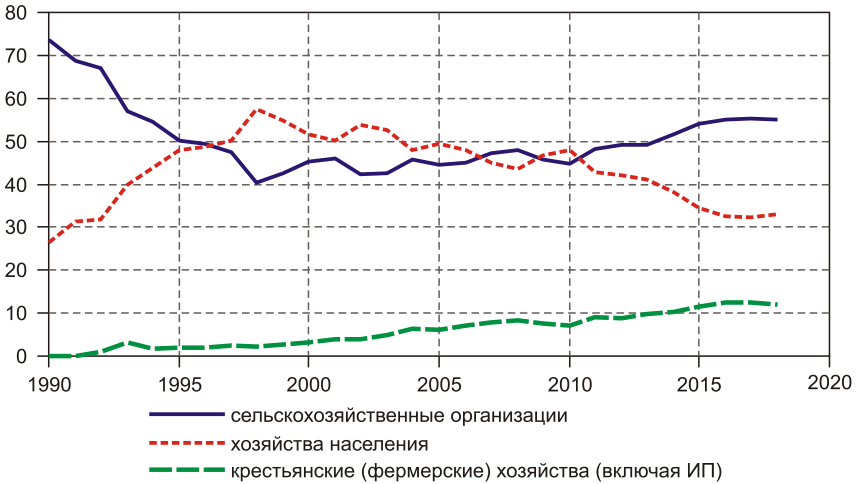
¹ См.: *Федеральный закон «О личном подсобном хозяйстве»* от 07.07.2003 № 112-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43127/.

² См.: *Примерный устав сельскохозяйственной артели* (утв. СНК СССР, ЦК ВКП(б) 17.02.1935). – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4042.htm.

нально которым в конце года производилась натуроплата. Собственное хозяйство не только обеспечивало сельских жителей необходимыми продуктами для личного потребления, но и служило источником доходов, а в определенные периоды становилось и объектом налогообложения. С течением времени многие руководители сельхозпредприятий стали внимательнее относиться к нуждам личных хозяйств. Для ведения ЛПХ предоставлялись дополнительные участки земли, выделялась техника (для вспашки огородов и наделов под посадки овощей, для заготовки сена и т.д.), в счет будущей зарплаты выписывались по льготным ценам фураж и молодежь, оказывалась помощь со сбытом продукции. Через магазины потребительской кооперации и практиковавшуюся в 1970–1980-х годах встречную торговлю крестьяне обменивали выращенную у себя продукцию на право приобретения дефицитной бытовой техники и других товаров [5].

Рыночная трансформация начала 1990-х годов внесла заметные коррективы в значение ЛПХ для сельских жителей. Именно в это время происходили наиболее болезненные для работников бывших колхозов и совхозов процессы реорганизации сельхозпредприятий и приватизации имущества, сопровождаемые падением производства и задержками заработной платы [14]. Крестьяне были вынуждены держать больше скота и птицы, выращивать больше овощей и другой сельхозпродукции, чтобы не просто спастись от голода, но и заработать деньги. В результате к середине 1990-х годов, согласно данным официальной статистики, ЛПХ стали производить половину всей аграрной продукции, утратив де-факто статус подсобных хозяйств и приобретя статус «главного кормильца» вплоть до середины 2010-х годов (см. рисунок). Возрождение мелкотоварного уклада и архаизация производства рядом экспертов были отнесены к числу парадоксов рыночных реформ: более оснащенные в техническом плане сельхозпредприятия и вновь образованные фермерские хозяйства экономически проигрывали частным подворьям, базирующимся на ручном труде [6].

Инверсию привычных представлений, в результате которой семейные хозяйства и сельхозпредприятия поменялись ролями [9, с. 129], объяснить достаточно просто. Из-за проблем с контрагентами

Структура продукции сельского хозяйства в РФ по категориям хозяйств в фактически действовавших ценах, % от хозяйств всех категорий

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sel2.htm

и неплатежами за отгруженный товар, из-за сбоев в управлении и в организации сельхозработ, из-за отсутствия оборотных средств и т.д. предприятия во многих случаях вернулись к архаичной натуральной оплате труда. Вместо денег работники получали зерно, муку, молоко, мясо, фураж, молодняк скота и птицы и проч., им оказывались «бесплатные» технические, ветеринарные и другие услуги. Работники продавали часть полученного в качестве натуроплаты либо использовали ее в ЛПХ, при реализации продукции которого они извлекали своеобразную ренту за счет привлечения, по сути дела, бесплатных ресурсов, включая собственную рабочую силу. Другим немаловажным каналом получения ресурсов для ведения семейных хозяйств стали массовые хищения собственности (продукции и ресурсов), а также неконтролируемое использование техники и оборудования бывших колхозов и совхозов [3; 4]. Таким образом, значительная доля получаемых семьей доходов формировалась за счет сельскохозяйст-

венных предприятий, но в конечном счете монетизировалась при продаже продукции семейных подворий [12].

Симбиоз мелких и крупных хозяйств, позволивший первым выживать, а вторым – достаточно долго существовать, даже находясь в состоянии банкротства [10; 11], в начале 2000-х годов стал постепенно разрушаться. Дефолт 1998 г., приведший к резкому падению курса рубля, усилил интерес инвесторов к отечественному агропродовольственному комплексу. Следующий этап трансформирования ЛПХ связан с реализацией приоритетного национального проекта 2006–2007 гг. «Развитие агропромышленного комплекса» [1], в рамках которого государство поддержало приход в отрасль крупного капитала. Укрупнение и модернизация производства способствовали ликвидации значительной части сельхозпредприятий и сокращению занятых в этой сфере работников. Согласно результатам Всероссийских сельскохозяйственных переписей (ВСХП) 2006 и 2016 гг., за 10 лет количество сельскохозяйственных организаций в России уменьшилось на 40% (с 59,2 до 36,1 тыс. ед.), а численность занятых в них – почти в 2 раза (с 2613,9 до 1386,4 тыс. чел.)³. Сельские жители не только потеряли работу, одновременно с этим кардинально сократились возможности ведения ЛПХ. Без ресурсной подпитки со стороны сельхозпредприятий частные подворья утратили свое основное конкурентное преимущество, обусловленное экономией на текущих расходах. К тому же начавшийся в России экономический подъем спровоцировал рост спроса на трудовые ресурсы и побудил наиболее активных сельчан отправиться на заработки [8]. В конечном счете показатели производства в секторе «хозяйства населения» практически вернулись в исходную точку 25-летнего цикла. Его доля в объеме производства продукции сельского хозяйства в 2015–2018 гг. приблизилась к отметке в 32–33%, что не намного выше показателя 1990 г. – 26,3% (см. рисунок).

---

³ См.: *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: В 9 т. / ФСГС. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – Т. 1, кн. 1. – С. 12; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 2 т. / ФСГС. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2017. – Т. 1. – С. 12, 24.*

Далее, основываясь на материалах уже упоминавшихся сельскохозяйственных переписей, рассмотрим, как трансформировались сельские подворья в России и в субъектах Сибирского федерального округа в период с 2006 по 2016 г. В отличие от ежегодно публикуемой статистики материалы переписей дают более точное представление о структурных изменениях сельскохозяйственной отрасли в целом и хозяйств населения в частности. Кроме того, для качественной оценки метаморфоз современных сельских подворий, имеющих в них экологических ниш и актуальных проблем мы использовали материалы глубинных интервью, проведенных в 2017–2018 гг. с представителями сельских администраций, владельцами ЛПХ и главами фермерских хозяйств в сельских районах Томской, Новосибирской и Тюменской областей.

СЕЛЬСКИЕ ПОДВОРЬЯ РОССИИ И СИБИРИ В ЗЕРКАЛЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЕРЕПИСЕЙ

За десять лет, прошедших после первой сельскохозяйственной переписи, количество личных подсобных и индивидуальных хозяйств граждан, проживающих в сельских поселениях России, выросло с 14798,5 до 15044,2 тыс. ед., т.е. на 1,7%. Однако зафиксированное ВСХП-2016 падение доли хозяйств, производивших сельскохозяйственную продукцию (с 85,3 до 77,5%, т.е. почти на 8 п.п.), ставит под сомнение рост числа ЛПХ. Количество хозяйств сельского населения, реально занимавшихся производством, уменьшилось за это время почти на 1 млн ед. (с 12629,1 до 11664,2 тыс.), что хотя и происходило на фоне сокращения численности жителей сел, но никак не соответствовало темпам этого сокращения (за эти годы сельское население уменьшилось с 38,4 до 37,9 млн чел., или на 1,3%⁴). При этом заметно возросла доля хозяйств с заброшенными земельными участками (пустующими домами) – с 9,2 до 13,7%.

---

⁴ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

Площадь всех сельскохозяйственных угодий в России за 10 лет сократилась на 14%, в то время как площадь угодий, числящихся за семейными и индивидуальными хозяйствами в сельской местности, выросла в целом по стране почти на 40%, что увеличило их долю в земельных ресурсах с 5 до 7% (табл. 1). В СФО, на который приходится

Таблица 1

Изменение площади и структуры сельскохозяйственных угодий в России и в регионах Сибирского федерального округа с 2006 по 2016 г., %

Регион	Изменение площади 2016/2006		Доля сельхозугодий в ЛПХ в сельхозугодьях региона	
	сельхозугодий, всего	сельхозугодий в ЛПХ	2006	2016
РФ	86	139	5	7
СФО	76	106	8	11
Республика Алтай	93	85	34	31
Республика Бурятия	46	144	9	28
Республика Тыва	96	164	17	30
Республика Хакасия	59	92	9	14
Алтайский край	87	109	3	3
Забайкальский край	67	96	24	35
Красноярский край	68	58	6	5
Иркутская обл.	61	119	9	18
Кемеровская обл.	72	59	7	6
Новосибирская обл.	77	185	1	3
Омская обл.	81	153	5	9
Томская обл.	64	105	7	12

Источник: расчеты автора по материалам ВСХП-2006 и ВСХП-2016 (см.: *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: В 9 т. / ФСГС.* – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – Т. 3. – С. 46, 48, 49; *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. / ФСГС.* – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – Т. 3. – С. 66, 72, 73).

пятая часть земель страны, пригодных для возделывания, тенденция иная: сокращение совокупной площади угодий оказалось больше, чем в России (на 24%), при небольшом росте площади, используемой ЛПХ (на 6%)⁵.

При этом заметно сибирское пространственное разнообразие с точки зрения соотношения крупного и малого аграрного производства. В первой группе оказались регионы, где сохранилась существенная (более 25%) доля сектора семейных хозяйств в площади сельхозугодий, во второй – регионы, где удельный вес ЛПХ значительно уменьшился.

В состав первой группы попали четыре региона: Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва и Забайкальский край. Рост количества мелких подворий отчасти компенсировал снижение производства в крупных хозяйствах, вызванное как действием ряда неблагоприятных экономических, природно-климатических и социальных факторов, так и изменением аграрной политики. После демонтажа действовавшей в советские годы системы сплошного государственного дотирования сельхозпроизводства значительная часть сельскохозяйственной деятельности в условиях Сибири стала нерентабельной, из-за чего в течение короткого времени бывшие колхозы и совхозы пришли в упадок. Их дальнейшее существование предполагало либо приход новых собственников, способных модернизировать технико-технологическую базу производства и переориентироваться на рыночный спрос, либо получение массивированной государственной поддержки, позволяющей пережить трудные времена. Бывшие колхозы и совхозы, не получившие внешней поддержки, как правило, были обречены на банкротство и последующую ликвидацию. Во многих случаях частные подворья становились безальтернативными рабочими местами для утративших работу жителей села.

---

⁵ Здесь и далее в показателях Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. Забайкальский край представлен Читинской областью и Агинским Бурятским автономным округом, Иркутская область включает Усть-Ордынский Бурятский округ, а Красноярский край – Таймырский и Эвенкийский округа.

Тренды развития ЛПХ в регионах первой группы, а также в Республике Хакасии заметно отличаются от ситуации в России и Сибири в целом. На отмеченных территориях в хозяйствах сельского населения стабилизировалось или даже выросло поголовье крупного рогатого скота, не так существенно уменьшилось поголовье свиней и птиц по сравнению с другими регионами (табл. 2). Можно сказать, что

Таблица 2

Изменение поголовья сельскохозяйственных животных в ЛПХ в сельских поселениях в России и в регионах Сибирского федерального округа с 2006 по 2016 г., %

Регион	Крупный рогатый скот, 2016/2006	Свиньи, 2016/2006	Птица всех видов, 2016/2006
РФ	74	45	77
СФО	80	58	66
Республика Алтай	115	69	67
Республика Бурятия	100	68	73
Республика Тыва	136	51	82
Республика Хакасия	100	90	92
Алтайский край	71	52	55
Забайкальский край	98	80	74
Красноярский край	75	68	92
Иркутская обл.	70	58	79
Кемеровская обл.	71	64	75
Новосибирская обл.	46	38	55
Омская обл.	65	62	70
Томская обл.	60	55	115

Источник: расчеты автора по материалам ВСХП-2006 и ВСХП-2016 (см.: *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: В 9 т. / ФСГС.* – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – Т. 5, кн. 1. – С. 10–52, 176–188; *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. / ФСГС.* – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – Т. 5, кн. 1. – С. 10–52, 180–206).

сельские подворья не только не утратили свой потенциал, но и стали меньше зависеть от крупных хозяйств.

На другом полюсе оказались регионы второй группы, характеризующиеся относительно невысокой долей земель ЛПХ в сельских поселениях (от 3 до 9% в 2016 г.). В их число попали крупные и наиболее развитые в аграрном отношении сибирские регионы: Алтайский и Красноярский края, Новосибирская и Омская области (см. табл. 1). К этой же группе примыкает и относительно небольшая Кемеровская область, в которой наряду с Красноярским краем за рассматриваемое десятилетие произошло самое крупное сокращение площади земель, отнесенных к ЛПХ (более чем на 40%). Низкую долю ЛПХ в регионах второй группы можно объяснить более сильными конкурентными позициями расположенных здесь агрохолдингов и крупных, быстро растущих фермерских хозяйств, которые не только вытесняют частные подворья с рынка, но и вынуждают наемных работников сокращать свои семейные хозяйства. В Кузбассе в последние годы наступление на землю ЛПХ ведут угольные компании, постоянно увеличивающие добычу угля открытым способом.

Владельцы и менеджеры крупных животноводческих комплексов и зерновых хозяйств, как правило, негативно относятся к занятости их сотрудников на личном подворье, отрицательно сказывающейся на результатах труда на основном рабочем месте. На крупных предприятиях пресекаются любые попытки использовать ресурсы предприятий для нужд семейных хозяйств, налажена эффективная система охраны, препятствующая хищениям и несанкционированному использованию техники, не производится выдача кормов и молодняка в счет заработной платы или арендных выплат за земельные доли. Администрации свиноводческих и птицеводческих комплексов при поддержке местных властей, ссылаясь на требования ветеринарно-санитарного контроля, запрещают своим работникам содержание в личных подворьях свиней или птицы. Такого рода «принуждение сверху», на наш взгляд, во многом объясняет радикальное снижение количества свиней и птиц. Именно для тех регионов, в которых появились крупные предприятия по производству свинины и мяса птицы, характерно

наибольшее сокращение поголовья свиней (от 40 до 60%) и птицы (от 25 до 50%) в ЛПХ (см. табл. 2). Речь идет прежде всего о Новосибирской, Томской, Омской, Кемеровской, Иркутской областях и Алтайском крае.

Согласно данным переписей, за 10 лет произошли заметные изменения в структуре используемых в ЛПХ сельхозугодий. Как видно из табл. 3, во всех сибирских регионах существенно снизилась доля возделываемой пашни и одновременно выросла доля залежей – выве-

Таблица 3

Структура сельскохозяйственных угодий, используемых в ЛПХ в сельских поселениях в России и в регионах Сибирского федерального округа, на 1 июля 2006 и 2016 г., %

Регион	2006			2016		
	Пашня	Сенокос, пастбища и др.	Залежи	Пашня	Сенокос, пастбища и др.	Залежи
РФ	30,5	48,1	21,4	20,8	47,5	31,7
СФО	11,4	61,9	26,7	7,5	65,5	27,0
Республика Алтай	1,1	97,0	1,9	3,5	93,9	2,6
Республика Бурятия	8,9	84,9	6,2	4,0	76,6	19,4
Республика Тыва	2,2	93,4	4,4	0,7	93,1	6,2
Республика Хакасия	7,5	90,8	1,7	5,4	86,5	8,1
Алтайский край	28,3	61,5	10,2	11,4	68,4	20,2
Забайкальский край	1,2	43,3	55,5	1,4	62,8	35,8
Красноярский край	25,5	62,6	11,9	22,9	50,7	26,4
Иркутская обл.	13,4	80,2	6,4	7,6	76,2	16,2
Кемеровская обл.	16,3	64,8	18,9	24,3	45,3	30,4
Новосибирская обл.	38,3	43,3	18,4	15,9	25,3	58,8
Омская обл.	40,2	40,0	19,8	21,5	37,0	41,5
Томская обл.	21,3	67,7	11,0	12,6	42,0	45,4

денных из оборота пахотных земель, не используемых по назначению в течение года и более. Приросты площади сельскохозяйственных угодий, числящихся за ЛПХ, в Новосибирской и Томской областях, а также в Алтайском крае сопровождались еще большими абсолютными приростами площади залежной земли в этом секторе.

Так, в Новосибирской области при росте площади угодий ЛПХ на 65,4 тыс. га площадь залежей увеличилась на 69,3 тыс. га, а доля последних в структуре сельхозугодий приблизилась к 60%. В Алтайском крае аналогичное соотношение составило 19,8 и 25,9 тыс. га, в Томской области – 2,7 и 9,5 тыс. га. Также высокая доля залежей в землях ЛПХ отмечалась в Омской области (41,5%) при значительном росте площади сельхозугодий, относящихся к ЛПХ (см. табл. 1). На наш взгляд, эти данные свидетельствуют не о перераспределении сельхозугодий в пользу семейных хозяйств, а о статистических манипуляциях, в результате которых невостребованные и необрабатываемые земли формально приписываются частным подворьям, а их владельцы не только реально не пользуются ими, но зачастую и не представляют, где они находятся⁶. Не случайно в число регионов с высокой долей залежных (не обрабатываемых сельским населением) земель попали территории, где ЛПХ заметно утратили свои экономические позиции. Таким образом, можно предположить, что масштабы вывода угодий из хозяйственного оборота существеннее, чем это следует из материалов переписи, а одним из способов «камуфляжа» статистики невостребованных в производстве земель является их учет в качестве угодий, используемых в ЛПХ. По оценке В.Я. Узуна, «белые пятна землепользования» – площади необрабатываемых, в том числе не обнаруженных переписью, сельхозугодий составили в 2016 г. 97,2 млн га, или 44% всех сельскохозяйственных угодий страны [13].

Анализ данных переписей, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о наличии двух принципиально разных систем хозяйствования

---

⁶ Речь идет о земельных долях, полученных сельскими жителями в собственность в ходе приватизации земли, но не выделенных в виде конкретных участков [2; 15].

сельского населения, одна из которых сложилась на востоке Сибири – в национальных республиках и Забайкальском крае, а другая – в регионах, расположенных на юго-западном направлении и представляющих собой аграрный пояс Сибири. Если в рамках первой системы традиционные ЛПХ с полным набором элементов (большой огород, скот, свиньи, птица, овцы и проч.) остаются распространенным явлением, то для второй системы на фоне преобладания частных подворий с заметно сокращенным составом (без скота и большого земельного надела) характерно развитие товарных хозяйств разных видов. Вместе с тем наблюдаемое разнообразие в масштабах и специализации ЛПХ далеко не исчерпывается вышеприведенной дихотомией. Внутри регионов и даже в отдельных сельских районах, как показывают проведенные нами полевые исследования, зачастую встречаются весьма своеобразные конфигурации ЛПХ, изучение которых целесообразно осуществлять в рамках отдельных кейсов.

ЛИЧНЫЕ ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ СЕЛЬСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ: УСЛОВИЯ ЖИВУЧЕСТИ МНОГОПРОФИЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВ

В большинстве сибирских сел, где мы проводили обследования, невооруженным глазом видны происходящие в секторе ЛПХ метаморфозы. С деревенских улиц почти исчезли знакомые элементы сельского образа жизни – стада домашних животных, которых ранним утром пастухи выводят на пастбища, а поздним вечером пригоняют домой. Изменившаяся экономическая ситуация и смена поколений заметно сузили социальную базу для ведения полноценных семейных хозяйств. Молодежь и люди среднего возраста зачастую вынуждены искать работу вне постоянного места проживания и потому не в состоянии интенсивно заниматься домашним трудом, держать скот, обрабатывать большой огород. Старики же по естественным причинам постепенно отказываются от трудоемкого хозяйствования. Таким образом, личные хозяйства постепенно возвращаются к своему историческому «подсобному» статусу.

Из интервью с главой сельской администрации (Томская область): *«Личное подсобное хозяйство становится все меньше, потому что молодые люди едут на заработки в город или куда-то еще. Старшее поколение еще держит, пытается, но с каждым годом уменьшается поголовье. У нас в самом большом селе у людей вообще осталось 10 или 15 коров. Даже пастуха нет, коровы у нас, как в Индии, гуляют по деревне и в окрестностях, мы уже привыкли».* Этой оценке созвучно мнение представителя муниципалитета одного из районов Томской области, в должностные обязанности которого входит сопровождение государственной поддержки семейных хозяйств: *«Я веду статистику по населению, которое занимается ЛПХ. Сто человек каждый год бросают держать коров. Старые уже не могут, а молодые не хотят. Хотя мы субсидии выделяем на семейные подворья – и на техническое оснащение, и на содержание коров, семинары проводим».*

Некоторые сельские чиновники пытаются убедить жителей в том, что им не нужно полностью отказываться от своего хозяйства, ведь в случае потери работы и падения доходов оно может стать для них «подушкой безопасности» и основой здорового питания для всех членов семьи, и особенно для детей. Именно под таким экономическим углом зрения, следуя логике альтернативных издержек, они сопоставляют расходы на покупку продуктов в магазине, стоимость приобретаемых семьей лекарств и лечения с затратами на производство домашних продуктов. Продолжение интервью с главой сельской администрации в Томской области: *«Я всем всегда советую держать хотя бы птицу. Говорю: “Вдруг завтра начнется какой-нибудь кризис? Вы детей разными химическими продуктами кормите, а потом требуете открыть в селе аптеку. Я против аптеки, нам нужно здоровье, а вы покупаете еду в магазине”. Многие считают, что в ЛПХ производить продукцию невыгодно. Я на это так отвечаю: “Посчитайте, сколько на лекарства денег уходит. Выгода состоит в том, что вы едите свое”».*

В сельской глубинке можно обнаружить немногочисленные населенные пункты, жители которых, вопреки общей тенденции, не спешат расставаться с традициями своих предков. Там продолжают вести

полноценное хозяйство: держат домашний скот, производят молочные продукты, собирают «дары природы», ловят рыбу, бьют шишку. Используя неформальные связи и знакомства, сбывают результаты своего труда устойчивому кругу покупателей, ценящих «натуральное качество». Из интервью с директором школы и одновременно старостой одной из деревень в Новосибирской области: *«У нас все начинается с весенней рыбалки, здесь щуки ловятся по 10–15 килограммов, цены на них хорошие. Затем идет сазан. Покупатели сами приезжают, забирают. Молоко продаем дачникам или по селу тем, у кого коровы нет. Хотя в последние годы стали магазинное молоко в деревне больше покупать. Мясо по знакомым сбываем. В этом году на забой у меня четыре головы КРС, все уже расписано. Раньше орляк (папоротник) закупали, сейчас нет. Собираем и продаем грибы и ягоды, березовые веники вяжем – у нас тут один предприниматель их принимает».*

В селе, где насчитывается около 100 дворов, имеется более 50 тракторов и единиц другой техники, что решает проблемы с заготовкой кормов для всего деревенского стада, с перевозкой грузов, строительными работами и т.д. К селу примыкает кедровая роща, жители ухаживают за ней, не допускают варварского сбора шишек приезжими. На коллективных началах решены вопросы с выпасом животных, которых в селе немало. Общее стадо по очереди пасут хозяева животных. Те, у кого нет такой возможности, на срок своего дежурства нанимают пастуха из расчета 1 тыс. руб. за день работы. С недавних пор в селе массово стали держать лошадей.

В этом селе нет фермеров, и респондент объяснил это тем, что многое в жизни местных жителей базируется на соблюдении общих интересов, а фермеры неизбежно внесли бы раскол в местную общину. *«Почему фермеров не любят? Потому что люди неосознанно понимают, что община должна строиться на взаимности, солидарности людей. А фермеры хотят жить по-своему. Раньше в соседней деревне фермеры были, а сейчас там никто скотину не держит. У нас это все отторгается, ведь фермеры могут наши правила нарушать».* Появление фермеров в данном случае воспринимается

как наступление на традиционный сельский уклад «капитализма» с его четкими правами собственности и ориентацией на извлечение прибыли. Для местных жителей важнее ощущение свободы и открытый доступ к окрестным природным богатствам, которые они считают своими. У них нет желания как-то легализоваться, искать какую-то поддержку от государства. *«Фермерство сегодня – это кабала. Лучше вообще никак не регистрироваться. Ни налогов, ни отчетности».*

Схожую модель многопрофильного устройства мы обнаружили также в Томской области, где взяли интервью у главы одного из семейных хозяйств. На его подворье много живности, большой парк техники. Помимо этого хозяин вместе с сыном занимаются лесозаготовками, содержат пилораму, подрабатывают на расчистке дорог от снега, заключая с сельскими администрациями специальные договоры. Экономика домохозяйства весьма диверсифицирована. Из интервью с главой семейства: *«Мы держим телят, быков, есть корова, лошади, бараны, утки дикие даже есть, мясо у них вкусное. Тут небольшое озеро имеется, утки оттуда сюда приходят, поедят, уходят. Они не улетают, потому что пшеницу едят и становятся тяжелыми. У нас покосы свои есть, более 60 гектаров, но они далеко находятся. В тех местах совхозы раньше траву косили, зерно сеяли, а сейчас это брошенные поля. Мы их стараемся под покос использовать, чтобы они безразьяком меньше зарастали. Где поля поближе, там фермеры работают».*

Лесопилка нужна семье для подстраховки. *«Если лесом не заниматься, то за счет сельского хозяйства не прожить».* К тому же согласно новой редакции Лесного кодекса рубить лес могут только назначенные заготовители по выписанным лесным билетам. Спрос на дрова и пиломатериалы в округе не падает, так как сибирские села по-прежнему практически не газифицированы. Отец с сыном вместе с наемными работниками оказывают услуги в основном льготникам – пенсионерам, учителям, медикам, которым положены бесплатные поставки дров. Частью распиленного леса льготники оплачивают услуги заготовителей, он идет на продажу.

Труд в лесу физически очень тяжел, требует не только много сил, но и времени. Знакомство заготовителей с приобретателями дров и пиломатериалов помогает им быстро оговаривать все условия, при необходимости уступать друг другу и без задержек выполнять заказы. *«Нам выделяют деляны, куда мы на тракторах два часа едем в одну сторону, два часа в другую. У нас такого нет, чтобы человек свободно купил дрова. Местные идут в сельсовет, выписывают билет, по которому положено на дом 25 кубов дров. Они этот билет приносят мне, мы договариваемся: либо семь кубов, либо десять мы поставляем бесплатно, а остальной объем дров я уже продаю. Вот так набираем заказы на тысячу кубов. Как правило, льготникам получается бесплатная машина дров, а за вторую машину он платит мне, ведь я должен ребятам заплатить за работу, солярку купить, деляну убрать, лес привезти. Таким образом, у меня лишняя кубатура остается, я ее продаю. Желающих купить дрова много, но я многим отказываю. Тяжело».*

Объединяет героев этих двух сюжетов не только приверженность традиционному крестьянскому укладу, но и особое отношение к природе, обусловленное укорененностью местных сообществ в локальной экосистеме. Аборигены следят за состоянием местных лесов, полей, водоемов, стараются предотвратить их деградацию даже тогда, когда это напрямую не связано с их экономическими интересами. Они совместно решают проблемы поселенческой инфраструктуры, помогают друг другу в трудных ситуациях, проявляют солидарность. В таких селах весьма болезненно воспринимаются новации власти, направленные на усиление регламентации в вопросах обращения жителей с природными объектами (передача леса поселений в лесной фонд, ограничение ловли рыбы или сбора дикоросов), а также на упрощение процедур торгов муниципальной землей под застройку или ведение хозяйства, когда «на равных» должны конкурировать и те, кто здесь живет, и более обеспеченные горожане или иногородние, которые имеют более весомые шансы на победу.

ЛИЧНОЕ ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК БИЗНЕС

Трансформация частных подворий в последнее время идет по пути выделения из общей массы ЛПХ товарных хозяйств нескольких видов. В одних случаях хозяйства заняты производством небольших партий эксклюзивной продукции, к их числу можно отнести, например, небольшие семейные сыроварни. Им приходится не только находить своего покупателя, но и осваиваться в новом качестве в своих селах, где к их появлению и бизнес-активности не все готовы. В других случаях оставшиеся без работы жители сел, пользуясь отсутствием ограничений на ведение ЛПХ, организуют на своих подворьях нигде не зарегистрированные молочные мини-фермы. Специфика ведения хозяйств разных типов может быть раскрыта на примере практик, отмеченных нами в Томской и Тюменской областях.

Главу небольшого козоводческого хозяйства в Томской области начать свой бизнес побудили проблемы со здоровьем, из-за которых он не смог продолжить работу в строительной сфере. За пять лет семья обзавелась 45 козами редкой заанненской породы и, начав с торговли молоком, со временем освоила премудрости сыроварения, в том числе изготовления твердых сортов. Семья построила ферму, купила доильный аппарат, домашнюю сыроварню-пастеризатор, а затем и мотокосилку, чтобы минимизировать затраты на приобретение корма. В хозяйстве работают только члены семьи, в том числе и взрослые дети, периодически приезжающие из города. Ограничения в ведении хозяйства связаны с непригодностью усадьбы к содержанию большого количества животных и к обустройству выгона для стада. Хозяин сам вынужден пасти коз и следить за тем, чтобы они не нанесли урон огородам соседей. Так как село постепенно заселяется дачниками-горожанами, которые не всегда готовы мириться с фермой по соседству, возникают разного рода недоразумения. Из интервью с владельцем мини-фермы: *«Я весной и осенью, когда на пастбищах или еще нет или уже нет травы, сам пасу, хожу с козами постоянно. Иначе они могут залезть в любой огород. Рядом с нами по плану должен быть скотопрогон, а вместо него люди построили дом, завладели землей, потому что раньше скотину тут никто не держал.*

Бывает, я гоню по улице коз, и машина едет. Козы в стороны разбегаются, мне тяжело их собирать. Деревенские-то всегда останутся и подождут, когда мы пройдем, а дачники этого не понимают, с ними бесполезно разговаривать».

Семья организовала стабильную сеть продаж и на отсутствие покупателей не жалуется, хотя козье молоко и сыры стоят как минимум в два-три раза дороже продуктов из коровьего молока. Владельцы фермы и дальше готовы увеличивать поголовье, но при этом оставаясь в рамках семейного (нерегистрируемого) хозяйства. *«Я с молоком и сыром выезжаю в город на ярмарки выходного дня. Соседи тоже покупают, в основном для детей. Я одно время в городе не появлялся, так толмичи сразу стали мне звонить, приехали за продукцией сюда. Планирую довести хозяйство до ста коз, так как спрос и на молоко, и на сыр есть. Через магазины продавать не планирую, так как там требуют, чтобы мы построили отдельную сыроварню. Может, мы к этому придем».*

Несмотря на то что об этом козоводческом хозяйстве знают и в районе, и в области, владелец фермы не спешит становиться индивидуальным предпринимателем и участником разного рода программ поддержки: *«Мы решили, что надо все через себя пропустить, выучиться всему досконально».* Его отпугивает энтузиазм чиновников, которые всячески рекламируют курс на импортозамещение и предлагают разные пакеты поддержки малого бизнеса. На условиях софинансирования фермер может получить из бюджета Томской области от 2 до 20 млн руб., но при этом уже через два года он будет обязан запустить новое производство. Излишне рисковать владельцу ЛПХ не хочет, так как понимает, что один неверный шаг – и невероятно возросшая долговая и налоговая нагрузка, неточная оценка рынка, внезапное падение спроса могут привести к необратимым последствиям.

К такого рода выводам его подтолкнул опыт знакомой владелицы самой крупной в области козьей фермы. *«Мы с женой ездили к ней. Сейчас у нее 180 коз – и уже опускаются руки. Она занимается только мягкими сырами, но в последнее время у нее начались проблемы с реализацией. Не все молоко она может переработать, прихо-*

дится выпивать им козлят. Сначала все нормально было, она стала расширяться и запланировала построить доильную линию. Но к ней приехал министр сельского хозяйства области и уговорил взять не одну, а две линии, пообещав поддержку. Получилось, что она вложила деньги – кредиты взяла, а сбыта нет».

Другие риски расширения производства, по мнению респондента, возникают, когда приходится использовать наемный труд. Привыкшие к личной ответственности владельцы фермы опасаются некомпетентности привлекаемых работников. По их мнению, те уже не будут так же тщательно, как хозяева, соблюдать технологию ухода за животными или пастеризации молока и изготовления сыров.

Респондент считает также неприемлемым для себя работать на покупном сырье, так как в этом случае продукция утратит свое эксклюзивное качество. *«Чтобы первоклассный сыр делать, нужно своих коров или коз держать. Я с одной женщиной, которая тоже сырами занимается, обсуждал это. Она закупает чужое молоко. Ей очень сложно найти хорошего поставщика, несмотря на то что все предъявляют нужные сертификаты. Сама пробу делает – молоко не подходит. Я всем сыроварам говорю: заводите свое хозяйство».*

Вышеописанный кейс своего рода «бутикового» подворья свидетельствует о необходимости тонкой настройки (организации) подобных хозяйств. Они нуждаются в ресурсах для развития, но не спешат откликаться на любые предложения властей. Они научились работать без государственного участия, хотя и готовы принимать господдержку, но при скрупулезном взвешивании всех возможных рисков и приобретений. Осторожность в привлечении государственных и заемных средств ограничивает рост бизнеса такого рода, но придает ему устойчивость.

Тюменские практики интересны действующей в области программой поддержки потребительских кооперативов, нацеленных на помощь в организации сбыта продукции ЛПХ [16]. Благодаря сбытовым кооперативам с развернутой сетью пунктов приемки молоко с частных подворий бесперебойно попадает на переработку, и это стимулирует часть домохозяйств держать в своих хозяйствах от пяти до 25 дойных коров. Областной бюджет выплачивает дотацию в размере

3 руб. на каждый литр сданного в кооператив молока, что поднимает закупочную цену до приемлемого для членов кооператива уровня. Однако в реальности сдатчики молока перманентно сталкиваются с проблемами, которые руководство кооперативов объясняет либо сезоном «большого молока» и падением цен у переработчиков, либо необходимостью использовать выделенные бюджетом средства на закупку оборудования. Поскольку уровень рентабельности в семейных хозяйствах и так невелик, даже небольшое движение закупочных цен вниз может стать фатальным, если учесть, что у владельцев ЛПХ нет иных способов реализации скоропортящегося продукта. Из интервью с хозяйкой мини-фермы на 25 коров: *«Молоко продаем через кооператив. Цена как бы 20 руб. за литр, но летом с нами по 18 руб. рассчитывались, пообещали, что с октября вновь будет 20 руб.»*

Однако падение надоев в зимнее время заметно понижает доходы хозяйства, в этот период они обеспечивают в основном затраты на содержание скота. Особенно сложно приходится тем, кто занимал в банках средства на развитие. *«Зимой-то ничего не зарабатываем, все на ферму же и уходит. Когда выплачивали кредиты, вообще не оставалось денег. Да и сейчас все равно трудно: нужно за свет, за воду платить – это очень дорого»*.

В качестве дополнительного направления возможны инвестиции в откорм бычков, но они далеко не всегда оправдывают себя. Согласно санитарным требованиям для производства мяса на продажу нужно проводить забой в специализированных цехах. Но нехватка забойных цехов в сельской местности оборачивается тем, что сельчане соглашаются сдавать скот заготовителям живым весом по минимальным ценам (110 руб. за 1 кг). В итоге вырученных денег едва хватает для нужд хозяйства. Из интервью с владелицей другой мини-фермы, которая посетовала на постоянно растущие затраты в условиях, когда колебания месячных доходов могут составлять от 30 до 70 тыс. руб.: *«Невыгодно сейчас заниматься ничем. Зерно нужно купить, а иногда и сено. Солярка тоже подорожала. Бычка год растишь, доводишь до 4,5 ц и сдаешь перекупщикам за 30–40 тыс. руб. Маленько вырученных денег отложишь на кредит, а на остальное купишь фураж. Если денег не хватит, то корова зерна не увидит, тогда надои упадут»*.

В начале мая я надаивала до 150 л молока в сутки, а сейчас оводы коров жаят, доои упали до 80–90 л. Еще пастуху каждый месяц я за свое стадо отдаю по 10 тыс. руб. При колхозах комбикорм выдавали бесплатно, а сейчас все покупать надо. Поэтому я от свиней отказалась – 10 штук держала, выгоднее коров иметь».

Закредитованность сельских жителей не оставляет им выбора. Свое подворье – это шанс удержаться на плаву, но со временем и этот запас прочности может иссякнуть. *«Когда кооператив понижает цены, сдатчики молока вздыхают, потому что все в кредитах. Им некуда деваться и вот сдают. Говорят, с кредитами рассчитаемся, и если цена молока не поднимется, то скот будем резать, ничего не оставим. Со слезами сдают молоко, только на этом живут. Никто нигде шибко-то не работает».*

Семейный бизнес даже без официального статуса – это сверхнагрузка на семью, у которой практически не остается времени на отдых, не бывает выходных дней и крайне редко возможны отпуска (только если кто-то из родственников согласится их подменить). Поэтому неудивительно, что кто-то из владельцев больших хозяйств вынашивает планы производственной кооперации с другими хозяйствами: *«Я хочу всем, кто сдает в кооператив молоко, предложить поставить общую ферму, всем объединиться – по очереди доить, ухаживать за скотом. Чтобы время на отдых у нас оставалось».* Это можно расценивать как запрос на углубление кооперации, дефицит которой ощущается в сибирском селе в полной мере [7].

ПЕРЕХОД ОТ ЛИЧНОГО ПОДСОБНОГО ХОЗЯЙСТВА К ФЕРМЕРСТВУ: ЭФФЕКТЫ ГОСУДРАСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

Массовым явлением в сельских поселениях в последние годы стала организация относительно крупных семейных молочных ферм (20–50 дойных коров), чему способствует наличие во многих регионах специальных программ поддержки. С положительными и отрицательными следствиями подобных начинаний мы столкнулись в Томской области.

В первом случае речь идет о хозяйстве, в которое вовлечен целый семейный клан – два брата с семьями и их родители. Сначала братья занимались заготовкой и переработкой леса, но заработав первый капитал, стали думать о диверсификации бизнеса. Работа в лесу перестала быть привлекательной, потому что мелкого частника из этой отрасли стали выдавливать крупные лесозаготовительные компании, в том числе китайские. *«Мы находимся в 60-километровой зоне от Томска, здесь лес пилить нельзя. Вот только дают дрова заготавливать либо рубить лес для помощи погорельцам. Мы с погорельцами работаем. Валим лес, привозим, пилим его. Из 75 кубометров, что выделяют на один дом, 40% им отдаем, а 60% забираем себе, чтобы покрыть расходы».*

Бросать налаженный промысел сразу не решились, но стали искать другие бизнес-возможности. Подали документы на участие в программе «Первый шаг» для тех, кто хотел бы реализовать аграрный проект. Бизнес-план по выращиванию картофеля получил поддержку в 500 тыс. руб., но расчеты не оправдались и картофельный бизнес пришлось свернуть. Однако эта неудача не охладила интерес, братья решили заняться молочным животноводством и взяли грант по программе «Начинающий фермер», чтобы за полтора года построить и оснастить ферму на 20 коров. Параллельно они приняли предложение одного из банков выкупить у него несколько сельских магазинов, которые находились в залоге.

В дальнейших планах семейного бизнеса собственное производство зерновых, расширение стада и приобретение доильного робота с привлечением средств через программу «Семейная ферма». *«По первой программе купили старенький трактор. Занялись картошкой, но понесли убыток, потому что спроса на нее не было. Завязали с этим и решили попробовать построить ферму. Я сделал бизнес-план, мне дали почти 2,5 млн руб., на которые купили новый трактор, косилку, пресс-подборщик, грабли. Свои деньги мы вложили в покупку коров. Ферму тоже строили из своего материала. Часть продукции будем продавать в своих магазинах. Также познакомились с крупной предпринимательницей в городе, которая готова прини-*

мать у нас по 300 л молока в день для переработки. Правда, пока эти объемы мы не потянем, но будем стараться. Сейчас у нас обязанности так распределились: я ферму курирую, брат – пилораму, моя жена – магазины. Отец и мать у меня в хозяйстве оформлены, а также два парня – условия гранта требуют создания новых рабочих мест».

Важной характеристикой бизнеса этой семьи является его поступательное развитие, когда поиск новых возможностей сочетается с использованием разнообразных источников финансирования. Предприниматели не боятся вступать в партнерские отношения с государством и пользоваться бюджетными деньгами, выполняя требования бюрократической системы (регулярно отчитываться, платить налоги, знакомить проверяющих с ходом строительства). Вместе с тем с недавних пор они решили отказаться от заемных средств. *«В самом начале мы брали кредиты в банках. Но в деревне сегодня работа есть, а завтра нет. Поэтому когда мы вышли на устраивающий нас уровень доходов, решили, что будем жить без всяких кредитов, где-то что-то экономить, но не влезать в долги».*

Диаметрально противоположным по своим результатам оказался опыт нескольких молодых женщин, в одиночку воспитывающих детей. Они попытались организовать семейные фермы сразу на 50 коров. Женщин привлекли огромные по местным меркам государственные гранты, на которые они не раздумывая согласились, несмотря на предписанные условиями договоров жесткие сроки строительства и обустройства животноводческих помещений. Не отпугнули начинающих предпринимателей и необходимость софинансирования проекта из кредитов, взятых на свое имя в банках.

О том, к чему привело это искушение государственной поддержкой, которая к тому же оказывалась под лозунгом помощи многодетным семьям, рассказал глава администрации сельского поселения. В этой истории он оказался «крайним». Формально глава не был причастен к выдаче бюджетных денег, но когда стало ясно, что деньги потрачены, а фермы не построены, все претензии были адресованы к нему. *«У нас было два проекта, которые мы не поддерживали,*

а областной департамент настоял, так как к ним из федерального бюджета деньги пришли и их нужно было быстро освоить. В департамент обратились наши жительницы, чтобы получить от государства по 19 млн руб. Это многодетные мамы, которые хотели построить молочный бизнес, но даже не знали, сколько будет стоить ведро комбикорма, какой “выхлоп” они смогут получить. Я их всячески пытался вразумить, говорил им: “К грантовым деньгам нужно еще 40% своих средств добавить. Сейчас возьмете кредиты, как будете их отдавать, у вас же нет никаких расчетов? Придут к вам судебные приставы, заберут всех коров, ферму продадут с молотка”. Но они не слышали моих аргументов, у них случился паралич сознания. Одна из них просила отдельный участок, чтобы построить ферму, и не обращала внимания на то, что рядом с домом и электроэнергия дешевле, и инфраструктура какая-никакая есть. А ей выдали участок в чистом поле. Только реальные расчеты должны приниматься во внимание, ведь от такого подхода в распределении бюджетных средств в конце концов страдают дети. Кто поможет этим семьям возмещать убытки? Получается, что государство играет с людьми не в те игры!»

Переход семейного хозяйства в полноценный бизнес требует не столько финансовых вливаний, сколько кардинального изменения экономического мышления у новоявленных предпринимателей. Обретение навыков бизнес-планирования должно сочетаться у них с практическими шагами по выстраиванию всех элементов производства и сбыта продукции, а также с обучением самостоятельности и ответственности. *«Если у хозяйства нет реализации, то хоть сколько ты денег туда вкладывай, ничего не получится... Были у нас такие хозяйства. Мы хотели им помочь – давали миллион или два, а через год-два смотрели, а там ничего нет. Если человек к этому не приспособлен, ему хоть кол на голове теши».* Излишняя государственная опека может заронить в умах будущих предпринимателей зерна инфантилизма. Главным критерием успешности становится рынок, что не всегда сразу осознается теми, кто еще недавно имел постоянную работу, а ЛПХ использовал для нужд семьи и для продажи излишков.

* * *

В течение четверти века, прошедшей с начала рыночных реформ, сектор хозяйств сельского населения претерпел значительные изменения. С одной стороны, он заметно потерял в объемах и утратил прежнее лидирующее положение в структуре производства. С другой стороны, он стал многообразнее и теперь представлен спектром от небольшого семейного огорода до мини-фермы с привлечением наемных работников.

Традиционный подход в рамках дилеммы натуральность/товарность уже не в полной мере характеризует эту сферу занятости. Точнее говорить о наличии разных моделей семейного хозяйствования, предпочтительность которых во времени и пространстве определяется многими факторами, и прежде всего архитектурой локальных рынков земли и рабочих мест, возможностями сбыта продукции и демографическими параметрами семей. В ряде сибирских регионов ЛПХ серьезно потеснили другие хозяйственные уклады⁷, их владельцы научились обходиться без внешней поддержки (будь то сельхоз-предприятие или государство) и формальной регистрации, и они оказались более устойчивыми и конкурентными, чем предприятия, имеющие юридический статус. Успех ЛПХ в этом случае во многом связан с эффектами самоорганизации и диверсификации хозяйственной деятельности членов домохозяйств, с их относительной свободой в использовании факторов производства и выборе образа жизни. В тех случаях, когда конкурентную борьбу за ресурсы территории выигрывают крупные предприятия (в том числе агрохолдинги), возможности массового ведения семейных хозяйств значительно «усыхают». В то же время появляются сельские подворья «бутикового» типа, поставляющие на рынок дорогостоящую продукцию небольшими партиями.

---

⁷ По данным за 2018 г., которые были скорректированы с учетом результатов ВСХП-2016, в Республике Алтай, Республике Тыве, Республике Хакасии, а также в еще недавно входивших в состав СФО Республике Бурятия и Забайкальском крае доля хозяйств населения в сельскохозяйственном производстве варьировала от 56 до 75% (URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sel2.htm).

Эксперты обычно критикуют государство за то, что оно стремится оказывать финансовую поддержку прежде всего крупному бизнесу, уделяя своим вниманием представителей малых форм. Но как показало наше исследование, в отдельных случаях поддержка глав семейных хозяйств, желающих быстро и без достаточных для этого компетенций перейти от небольшого подворья к крупному конкурентоспособному товарному производству, может ухудшить их экономическое положение. Семейное хозяйство сегодня функционирует в реальной экономической среде и поэтому в не меньшей мере, чем крупное предприятие, нуждается в стратегиях развития и надежных каналах сбыта. От того, сможет ли сегодня государство помочь, а не навредить мелким сельским производителям, разработав для разных видов хозяйств дифференцированные меры «умного» регулирования, в немалой степени зависят будущее значительной части сельских поселений и возможности устойчивого развития села.

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН,
проект XI.179.1.1 «Социальные аспекты демографической
и продовольственной безопасности России и сибирских регионов»
№ АААА-А17-117022250120-9*

Список источников

1. Барсукова С.Ю. Приоритетный национальный проект «Развитие АПК»: идея и реализация // Вопросы статистики. – 2007. – № 11. – С. 19–31.
2. Барсукова С.Ю., Звягинцев В.И. Земельная реформа в России в 1990–2000-е годы, или Как в ходе ведомственных реорганизаций «реформировали» земельную реформу // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2015. – Т. 7, № 2. – С. 84–98.
3. Великий П.П. Российское село: Процессы постсоветской трансформации. – Саратов: Научная книга, 2012. – 340 с.
4. Виноградский В.Г. «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. – 1999. – № 3/4. – С. 36–48.
5. Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР: Социальные регуляторы и результаты развития. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 240 с.

6. Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2000. – 152 с.
7. Куракин А., Гусаков Т. Сельскохозяйственная кооперация в России и за рубежом. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/opinion/article/29287-selskokhozyaystvennaya-kooperatsiya-v-rossii/> (дата обращения: 30.08.2019).
8. Между домом и... домом: Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. – М.: Новый хронограф, 2016. – 504 с.
9. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 456 с.
10. Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? – М.: Новое издательство, 2006. – 320 с.
11. Никулин А.М. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Дело, 1998. – С. 218–229.
12. Рефлективное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. – М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002. – 592 с.
13. Узун В.Я. «Белые пятна» и неиспользуемые сельхозугодья: что показала сельскохозяйственная перепись 2016 г. // Мониторинг. – 2017. – № 21 (59). – С. 14–21.
14. Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. – М.: ИД «Дело», 2015. – 352 с.
15. Фадеева О.П., Нефедкин В.И. Локальные рынки земли: от виртуальных к реальным // ЭКО. – 2017. – № 6. – С. 83–101.
16. Шелудков А.В., Рассказов С.В., Фарахутдинов Ш.Ф. Сельские муниципалитеты юга Тюменской области: пространство, статистика, власть. – М.: Страна ОЗ, 2016. – 184 с.

Информация об авторе

Фадеева Ольга Петровна (Россия, Новосибирск) – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: fadeeva@ieie.nsc.ru); доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2).

DOI: 10.15372/REG20190407

Region: Economics & Sociology, 2019, No. 4 (104), p. 137–167

O.P. Fadeeva

FARMING HOUSEHOLDS IN SIBERIAN VILLAGES: TRANSFORMATION PROBLEMS

The article discusses the transformations of personal subsidiary farms belonging to Russia's rural population over the time that has passed since market reforms started. We refer to the data collected during the two National Agricultural Censuses to run a critical analysis and identify any changes in the range of business activity, production output, and specialization of farming households in different regions of Siberia over the period between 2006 and 2016. To study individual local cases, we use in-depth interviews given by local chiefs and specialists of rural administrations, working on family farms in Tomsk, Tyumen, and Novosibirsk Oblasts.

We compare the results of quantitative statistical analysis with the conclusions of qualitative sociological local case studies, both to identify long-term trends and to account for possible distortions of information originating from institutional sources. As a basic hypothesis, we believe that the transformations of private subsidiary farms in different regions do not follow any single trend and that they are greatly influenced by the state and local governments' agrarian policies, as well as certain specific local factors. The author's observations confirm this hypothesis.

In nearly 25 years since market reforms started, the rural household economy sector has undergone radical changes. On the one hand, it has noticeably lost in scale and given up its former leading position in the structure of production. On the other hand, it has diversified and is now represented by a broad spectrum: from a small family garden to a miniature farm with hired staff. However, in certain cases, government support can deteriorate farming households' economic situation. Qualitative findings presented in this study may be useful to justify measures aimed at ensuring the sustainable development of rural areas.

Keywords: personal subsidiary farms; rural areas; market reforms; agricultural census; Siberia

For citation: *Fadeeva, O.P.* (2019). Semeynye podvorya v sibirskikh selakh: problemy transformatsii [Farming households in Siberian villages: transformation problems]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (104), 137–167. DOI: 10.15372/REG20190407.

*The publication is prepared within the project XI.179.1.1
«Social aspects of demographic and food security
of Russia and Siberian regions» No. AAAA-A17-117022250120-9
according to the research plan of the IEIE SB RAS*

References

1. *Barsukova, S.Yu.* (2007). Prioritetnyy natsionalnyy proekt «Razvitie APK»: ideya i realizatsiya [Priority national project «AIC Development»: idea and implementation]. Voprosy statistiki [Issues of Statistics], 11, 19–31.
2. *Barsukova, S.Yu. & V.I. Zvyagintsev.* (2015). Zemelnaya reforma v Rossii v 1990-2000-e gody, ili kak v khode vedomstvennykh reorganizatsiy «reformirovali» zemelnuyu reformu [Land reform in Russia in 1990–2000-ies, or How land reform was «reformed» during the departmental reorganization]. Zhurnal institutsionalnykh issledovaniy [Journal of Institutional Studies], Vol. 7, No. 2, 84–98.
3. *Velikiy, P.P.* (2012). Rossiyskoe selo: Protsessy postsovetskoy transformatsii [Russian Village. Processes of Post-Soviet Transformation]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 340.
4. *Vinogradskiy, V.G.* (1999). «Orudiya slabykh»: neformalnaya ekonomika krestyanskikh domokhozyaystv [«Weapons of the Weak»: The Informal Economy of the Peasant Households]. Sotsiologicheskyy zhurnal [Sociological Journal], 3/4, 36–48.
5. *Kalugina, Z.I.* (1991). Lichnoe podsobnoe khozyaystvo v SSSR: Sotsialnye regulatory i rezultaty razvitiya [Personal Subsidiary Farming In the USSR: Social Regulators and Development Results]. Novosibirsk, Nauka Publ., Siberian Department, 240.
6. *Kalugina, Z.I.* (2000). Paradoksy agrarnoy reformy v Rossii: sotsiologicheskyy analiz transformatsionnykh protsessov [The Paradoxes of Agrarian Reform in Russia: A Sociological Analysis of Transformation Processes]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 152.
7. *Kurakin, A. & T. Gusakov.* (2018). Selskokhozyaystvennaya kooperatsiya v Rossii i za rubezhom [Agricultural Cooperation in Russia and Abroad]. Available at: <https://www.agroinvestor.ru/opinion/article/29287-selskokhozyaystvennaya-kooperatsiya-v-rossii/> (date of access: 30.08.2019).
8. *Nefedova, T.G., K.V. Averkieva & A.G. Makhrova.* (Eds.). (2016). Mezhdumomom i... domom: Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii [Between Home and ... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia]. Moscow, Novyy Khronograf Publ., 504.

9. *Nefedova, T.G.* (2013). Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii: Otvety geografa [Ten Relevant Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer]. Moscow, LENAND Publ., 456.

10. *Nefedova, T.G. & J. Pallot.* (2006). Neizvestnoe selskoe khozyaystvo, ili Zachem nuzhna korova? [Unknown Agriculture, or Why Do We Need a Cow?]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 320.

11. *Nikulin, A.M. & T.I. Zaslavskaya* (Ed.). (1998). Predpriyatiya i semyi v Rossii: sotsiokulturnyy simbioz [Enterprises and families in Russia: sociocultural symbiosis]. Kuda idet Rossiya? Transformatsiya sotsialnoy sfery i sotsialnaya politika [Where Is Russia Going? Transformation of the Social Sector and Social Policy]. Moscow, Delo Publ., 218–229.

12. *Shanin, T., A. Nikulin & V. Danilov* (Eds.). (2002). Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovaniy selskoy Rossii [Reflexive Peasant Studies: A Decade of Researching Rural Russia]. Moscow, Moscow School of Social and Economic Sciences, Political Encyclopedia Publ., 592.

13. *Uzun, V.Ya.* (2017). «Belye pyatna» i neispolzuemye selkhozugodya: chto pokazala selkokhozyaystvennaya perepis 2016 g. [«White spots» and unused agricultural land: what did the 2016 Agricultural Census show]. Monitoring [Monitoring], 21 (59), 14–21.

14. *Uzun, V.Ya. & N.I. Shagayda.* (2015). Agrarnaya reforma v postsovetsoy Rossii: mekhanizmy i rezultaty [Agrarian Reform in Post-Soviet Russia: Mechanisms and Results]. Moscow, Delo Publ., 352.

15. *Fadeeva, O.P. & V.I. Nefedkin.* (2017). Lokalnye rynki zemli: ot virtualnykh k realnym [Local land markets: from virtual to real]. EKO [ECO], 6, 83–101.

16. *Sheludkov, A.V., S.V. Rasskazov & Sh.F. Farakhudinov.* (2016). Selskie munitsipaliteti yuga Tyumenskoy oblasti: prostranstvo, statistika, vlast [Rural Municipalities of the South of the Tyumen Region: Space, Statistics, Governance]. Moscow, Strana OZ Publ., 184.

Information about the author

Fadeeva, Olga Petrovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: fadeeva@ieie.nsc.ru); Associate Professor at Novosibirsk State University (2, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Поступила в редколлегию 10.09.2019.

После доработки 11.09.2019.

Принята к публикации 12.09.2019.